DOI: 10.17976/jpps/2023.06.08
EDN: OHFTIY

ОТ РУБЕЖА ПРОТИВОСТОЯНИЯ К РУИНАМ ЗАБВЕНИЯ, ИЛИ ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ

А.В. Михалев

МИХАЛЕВ Алексей Викторович, доктор политических наук, директор Центра изучения политических трансформаций, Бурятский государственной университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, email: mihalew80@mail.ru

Михалев А.В. 2023. От рубежа противостояния к руинам забвения, или политика памяти в постсоциалистической Внутренней Азии. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 100-112. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.08. EDN: OHFTIY

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01087, https://rscf.ru/project/22-28-01087.

Статья поступила в редакцию: 11.10.2022. Принята к публикации: 28.06.2023

Аннотация. В статье рассматривается, как на территории Внутренней Азии изменялась политика памяти по отношению к истории демилитаризации советско-монгольского оборонительного рубежа на границе с КНР. Воспоминания о выводе войск из Монголии с 1989 по 1992 г. и о разрушении одного из самых мощных в Азии укрепленных районов остаются травматичными и по сей день. В этой работе мы анализируем две ключевых тенденции в политике памяти во Внутренней Азии: негативного переосмысления советского прошлого и травму распада СССР. Это две конкурирующие модели, посредством которых осмысляется память не только о выводе войск из Монголии, но и о руинах огромного милитаризированного ландшафта, созданного в ходе советско-китайского противостояния 1960-1980-х годов в этом регионе. Это был большой укрепленный район с развитой социальной инфраструктурой, который сегодня стал важным местом памяти. Десятки тысяч советских граждан, работавших или служивших в Монголии в 1960-1980-е годы, сохранили воспоминания о возведении этого рубежа. В эмпирическую основу исследования положены мемориальные законы, личные воспоминания, материалы региональной прессы, практики переформатирования памятников советским солдатам в соответствии с новыми контекстами. Наряду с этим анализу были подвергнуты и практики забвения, которые приобретают все более масштабный характер. Исключение из официальных документов, игнорирование на уровне политической риторики отдельных аспектов истории социализма, снос памятников, ликвидация мест отправления воинских ритуалов – все это трансформирует прежний ландшафт в руинизированное пространство. В этих условиях некогда огромный восточный лимес становится лишь местом посттравматической памяти по обе стороны границы. Множественность языков описания этого лимеса – русского, монгольского, китайского, – свидетельствует о многослойности исторического опыта и памяти, связанных с этим заброшенным оборонительным рубежом.

Ключевые слова: политика памяти, Внутренняя Азия, коммеморация, Русский мир, советское наследие, забвение, руины, символическая политика, институты.

В 2022 г. исполнилось 30 лет с момента полного вывода с территории Монгольской Народной Республики (МНР) частей 39-й армии СССР, расформированной в 1992 г. В центре нашего внимания память о советско-монгольском оборонительном рубеже 1960-1980-х годов, который будет описан

нами как руины [Simmel 1958]. Соответственно, цель данной работы состоит в анализе политических смыслов руин советского военного присутствия в МНР и определении их места в политике памяти, сформировавшейся в изучаемом регионе.

Границы Внутренней Азии на протяжении второй половины XX в. представляли собой мощный оборонительный рубеж. Колоссальный по свой протяженности и глубине, он был разделительной чертой между сферами интересов СССР и Китая. Обустроенный по всем правилам военной науки, он стал символом эпохи позднего социализма и воплощением политики сдерживания. История этого уникального лимитрофа, раскинувшегося по территориям союзной Монгольской Народной Республики (МНР) и приграничных регионов Дальнего Востока Советского Союза, так и не написана до конца. Она сложна и многослойна, но руины этого лимитрофа и по сей день имеют политическое значение. Это актуальное прошлое для десятков тысяч бывших гражданских специалистов, солдат и офицеров Советской армии, работавших и служивших в МНР, а также наглядное напоминание о "величайшей геополитической катастрофе XX в." Кроме того, это наследие безвозмездной помощи Монголии со стороны стран Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) [Ганжуров 1997: 56].

Сегодняшний контекст подразумевает две ключевые тенденции в политике памяти о демилитаризации азиатских границ во Внутренней Азии: критику советского прошлого и актуализацию травмы распада СССР. Обе они находятся в фокусе данного исследования. Сейчас, когда они конкурируют между собой, изучение политики памяти в условиях неевропейского постсоциализма дает уникальный материал, открывающий возможность для теоретических обобщений качественно нового уровня. Это позволит дополнить существующие модели, базирующиеся преимущественно на материалах Восточной Европы, новыми данными об азиатском опыте постсоциалистических модификаций политики памяти.

В данной работе под политикой памяти вслед за О.Ю. Малиновой мы понимаем "деятельность государства и других акторов, направленную на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях – еще и законодательного регулирования" [Малинова 2017: 9]. При определении географических рамок исследования мы опираемся на термин "Внутренняя Азия" [Железняков 2009: 18]. Несмотря на то что он был введен в научный оборот еще в XIX в. Александром фон Гумбольдтом, свое актуальное содержание он приобрел в период холодной войны. В 1950-х годах Оуэн Латтимор выдвинул тезис, что центром Внутренней Азии является советско-китайско-монгольская граница [Lattimore 1953: 17]. Этот фронтир имел особый политико-онтологический статус, так как разделял две коммунистических модели мироустройства: советскую и маоистскую. Такое разделение продиктовано характером идеологической полемики внутри социалистических стран 1960-1970-х годов [Ширендыб 1967: 48-49]. Более того, подобный способ разделения коммунистических режимов был экстраполирован и в работы обществоведов 1990-х годов [Тригубенко 1991]. Наследие того времени сказывалось на политической риторике в регионе и в более поздний период, определяя характер местного режима памяти [Assmann 2013]. Однако тема нормализации

отношений и диалога между СССР и КНР все еще рассматривается в алармистском ключе. Это создает уникальную ситуацию, когда в условиях трансформировавшегося в 1990-2000-х годах фронтира сохраняется память и господствуют исторические нарративы времен холодной войны.

Хронологические рамки исследования ограничены периодом с 1990 по 2021 г. Это время, когда были заложены основы режима памяти о постсоциалистических трансформациях во Внутренней Азии. Окончание исследования 2021 г. связано с завершением череды масштабных мероприятий по празднованию столетия российско-монгольских двусторонних отношений 1921-2021 гг., когда на официальном уровне закрепился конвенциональной нарратив о событиях недавнего прошлого.

Эмпирической основой исследования стало множество материалов, некоторые из которых не упоминаются в статье, но были обработаны и проанализированы, поэтому им дан обзор далее. Все источники условно можно разделить на три крупных блока.

Первый блок составляют политические тексты, посвященные сносу или сохранению советских памятников в Монголии. Это высказывания представителей политических партий, а также руководителей монгольской столицы – Улан-Батора. В этой же категории находятся и экспедиционные материалы автора данной статьи, проводившего исследования политико-символической сферы с 2009 по 2022 г. Здесь нужно упомянуть также воспоминания советских специалистов и военных, находившихся в Монголии в эпоху строительства социализма в 1921-1991 гг. [Дьяченко 2012]. В первую очередь это тексты С.А. Панарина, написавшего содержательную статью с опорой на личные наблюдения и воспоминания о работе в Монголии [Панарин 2014]. В своей работе, посвященной взаимоотношениям СССР и Монголии, использует личные воспоминания и Е.И. Лиштованный [Лиштованный 2007].

Второй блок – это музейные репрезентации и коммеморативные практики, либо сохранившиеся с периода советско-монгольского союза, либо созданные заново. Наряду с ними мы анализируем руины – "города-призраки", разрушенные здания и заброшенные военные объекты, являющиеся материальными свидетельствами ушедшей эпохи.

Третий блок – это написанные монгольскими политиками исторические тексты, в которых предлагаются интерпретации прошлого в соответствии с теми или иными идеологическими платформами. Многие из этих текстов в разное время были переведены на русский язык и напечатаны достаточно крупными тиражами (от 500 и больше экземпляров) в издательствах Москвы, Казани и Улан-Удэ.

Анализ эмпирических данных в рамках выбранного исследовательского подхода предполагает применение как минимум трех базовых методов. Первый метод, берущий свое начало из антропологии и этнографии, – наблюдение, позволяющее фиксировать состояние руин, динамику их изменений. Второй метод – ивент-анализ, на основе которого мы фиксируем акты коммеморации или важные политические события, меняющие правовой статус руин. Третий метод – нарративный анализ, дающий возможность работать с политическими заявлениями и воспоминаниями. Для этого была выбрана модель Кэтрин Риссман с опорой на тематический нарративный анализ [Riessman 2005]. В данном исследовании мы типологизировали нарративы, организовывая их по двум темам: критика советского присутствия и травма от распада СССР.

Далее была предпринята попытка построения оппозиций этих полярных повествований. Выбор инструментария обусловлен тем, что он разработан для изучения коллективной памяти и повседневности, а это непосредственно перекликается с нашим исследованием.

РУИНЫ ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА

Под фронтиром Внутренней Азии мы понимаем рубеж [Lattimore 1953: 17], разделяющий противоборствующие идеологические системы, имеющие общие корни, в нашем случае советскую и маоистскую. Еще тридцать лет назад это был крупнейший в регионе оборонительный лимес, сопоставимый с линией Мажино. Это пространство всегда было линией противостояния: в первой половине XX века советско-японского, а в 1960-1980-е годы – советско-китайского [Лузянин 2003: 4]. В центре нашего внимания память о геополитическом противоборстве второй половины XX века (подробнее см. [Radchenko 2003]). Особое военно-стратегическое значение Монголии было закреплено в советско-монгольском соглашении 1966 г. – в "Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи" [Советско-монгольские... 1979]. После его заключения на территорию союзной страны вошли части Советской армии. В конечном счете в Монголии разместилось пять сухопутных, две танковые и две авиационные дивизии, а также командный центр (штаб) 39-й армии Забайкальского военного округа [Дьяченко 2012: 218]. Они стали крупнейшей армейской группировкой ЗабВО, тесно связанной с тылом приграничных регионов СССР, поэтому, говоря о советской военной инфраструктуре в МНР, мы оперируем понятием "Внутренняя Азия".

В Монголии дислоцировалось несколько десятков гарнизонов Советской армии [Панарин 2014: 67]. Наиболее крупные из них – в населенных пунктах Чойр, Ундэр-хан, Баганур, Чойбалсан, Эрдэнэт, Мандал-Гоби, Булган, Маньт, Сайншанд, Обот-Хурал. Все имущество этих гарнизонов – от гауптвахт до овощехранилищ, от казарм до кафе – составляло разветвленную инфраструктуру советских военных поселений, построенных едва ли не по последнему слову советской военной науки. Памятники Ленину, мемориальные постаменты с военной техникой (самолетами и танками), плакаты, флагштоки и многое другое – все это символизировало нерушимость азиатского рубежа советского блока. Наше исследование фокусируется прежде всего на его руинах и на памяти о советском присутствии [Delaplace 2012].

Под руинами мы, вслед за Андреасом Шёнле, понимаем "материальный объект, который прежде всего свидетельствует о течении времени, об утрате того, что когда-то казалось неотъемлемой частью настоящего. Вместе с тем, если руина уцелела, это значит, что некий остаток прошлого остался в современности, пусть и в состоянии определенного упадка, то есть в измененном, не подлинном виде" [Шёнле 2009]. Руины оборонительного рубежа – это еще и останки политического символа эпохи, которому сегодня придаются травматические смыслы. В изучаемом нами случае мы сталкиваемся с пониманием руин в традиции В. Беньямина – как результата катастрофы и регресса [Беньямин 1995: 6-9]. Это десятки городов-призраков, брошенных в монгольской степи. Это разорванные коммуникации, оставленные аэродромы, казармы и радиолокационные центры[1]. Наша задача – понять содержание

[1] Соболевская О.В. Развалины разногласий. Как сегодня осмысляют присутствие и вывод советских войск из Монголии. *ВышкаIQ*, 28.07.2022. https://iq.hse.ru/news/707350477.html (accessed 30.07.2022).

политических смыслов, приписываемых этим руинам, не сводя все только к ностальгии по советскому прошлому. Эти руины слишком неоднородны и сложны. Они не просто отягощены воспоминаниями о прошлом, но и встроены в современные политические контексты.

Отвод войск от укрепленных рубежей регулировало соглашение между правительствами СССР и КНР "О руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе советско-китайской границы" от 24 апреля 1990 г. [Воробьев 2012]. Стремительный вывод войск из МНР (за 28 месяцев) сформировал уникальный демилитаризованный ландшафт. В 1990-е годы советские гарнизонные городки были отключены от систем жизнеобеспечения, в результате чего они стали стремительно разрушаться. Вместе с ними руинизировались и мемориальные комплексы, созданные Советской армией. Среди немногих мест памяти, преодолевших рубеж переходной эпохи и доживших до реконструкции в XXI в., памятник советскому солдату в Чойре, мемориальный комплекс на горе Зайсан, музей и памятник Г.К. Жукову в Улан-Баторе, а также несколько памятных объектов в районе Халхин-Гола в аймаке Дорнод. Военные в своих воспоминаниях отмечают: "Что же оставили в Монголии? Жить в шикарных домах 101-й серии было некому. Ни людей, ни денег для поддержания жилых городков в рабочем состоянии у монголов нет. Среди монгольских и российских предпринимателей нашлись покупатели на некоторые военные городки в столице Улан-Баторе и гарнизоне Маньт. Все остальное было передано монгольской стороне безвозмездно. В 19 гарнизонах – 181 военный городок, 6,5 тыс. зданий и сооружений, из них 358 жилых домов, 110 общежитий, 124 столовых, 528 казарм, 71 солдатский клуб, 22 школы. Кроме того, передано семь военных аэродромов с постройками обслуживания и обеспечения"[2].

Уникальны брошенные в военных городках мемориалы. Многие из них сохранились благодаря тому, что выполнены из дорогих и прочных материалов. Например, гранитный уличный стенд в бывшем гарнизоне Чойра с надписью: "Не померкнет в сердцах подвиг солдата-победителя". Другим примером является мемориал МиГ-21 (бортовой номер 37), стоящий на постаменте в полностью заброшенном городке советских авиаторов в Налайхе (пригород монгольской столицы)[3]. В городке авиаторов Багахангай на фоне разрушенных жилых зданий сохранилась гранитная стела с обращением к воинам-авиаторам: "Дело чести авиаторов Вооруженных Сил – организовать всестороннюю борьбу, широкий поход за безаварийную летную работу".

Руины советской военной инфраструктуры во Внутренней Азии – это руины рукотворные, созданные людьми в процессе переживания "крупнейшей геополитической катастрофы века". Они являются объектом в структуре режима памяти о десоветизации в регионе [Peshkov 2011]. Эти руины – важная часть прошлого Внутренней Азии, они стали символом эпохи противостояния двух сверхдержав. Наследие того времени – часть глобальной истории, которая сегодня адаптируется к локальным и национальным контекстам.

[2] Замполит. Советские войска в Монголии. Вывод в Россию. *PUTIshestvuy*, 29.11.2013. http://safe-rgs.ru/320-sovetskie-voyska-v-mongolii-vyvod-v-rossiyu.html (accessed 20.07.2022).

[3] Соболевская О.В. Развалины разногласий. Как сегодня осмысляют присутствие и вывод советских войск из Монголии. *ВышкаIQ*, 28.07.2022. https://iq.hse.ru/news/707350477.html (accessed 30.07.2022).

ПАМЯТЬ О ВЫВОДЕ ВОЙСК: НА ПУТИ К ОСМЫСЛЕНИЮ ТРАВМЫ

Память о спешном выводе советских войск из МНР актуальна сегодня как минимум для трех групп мнемонических акторов: сообществ, объединяющих бывших советских военнослужащих в МНР; сообществ российских гражданских специалистов, работавших в МНР; сторонников критического переосмысления социалистического эксперимента в Монголии (ученых, политиков, общественных деятелей). Наиболее массовыми из них являются сообщества бывших граждан СССР – они насчитывают несколько десятков тысяч человек, проживающих более чем в 30 странах мира. Благодаря этим мнемоническим акторам сформировались и поддерживаются два кардинально противоположных и активно противоборствующих нарратива. Их содержание сводится к противопоставлению положительных и отрицательных сторон пребывания советских вооруженных сил в Монголии. Первый нарратив существует на страницах опубликованных воспоминаний советских граждан, пребывавших в МНР, и в блогосфере, например, на ресурсе *mongol.su* (см. [Сергеев 2021; Панарин 2014; Лиштованный 2007]). Второй же представлен текстами в общественно-политических СМИ Монголии и в научных работах (см. [Баабар 2010; Mayadar 2017, 2019]). Этот дискурс берет свое начало в исторических событиях периода становления монгольской демократии: “В 1990 г. в газете ‘Новости Монголии’ было опубликовано открытое письмо писателя Ж. Пурэва президенту СССР М.С. Горбачёву под названием ‘Действительно ли Монголия должна Советскому Союзу?’. Экономист Д. Сурэжав в журнале ЦК МНРП ‘Экономическое обозрение’ писал о несбалансированной торговле между нашими странами, о завышенных ценах на товары, поступающие из СССР. Подобные вопросы были обозначены и в статье министра финансов Д. Моломжамца в газете ‘Унэн’” [Лиштованный 2007: 66].

Ц. Гомбосурэн, в прошлом министр иностранных дел Монголии, рассказывая теперь о причинах вывода войск из МНР, придерживается официальной версии: “Хотя частичный вывод советских войск начался с 1987 г., ко времени моего визита вопрос об окончательном выводе советских войск не был поднят ни нами, ни Советами. Тогда нормализация отношений с Китайской Народной Республикой и для нас, и для Советского Союза стала императивом времени, и с этой точки зрения вопрос о полном выводе советских войск по существу не должен был вызвать каких-либо сомнений или возражений, это абсолютно понятно. Поэтому я предложил полностью вывести советские войска из Монголии, причем завершить эту работу в 1991 г. Имелось в виду встретить 70-летие Народной революции без иностранных войск в стране”[4].

Есть и другие точки зрения, например, журналист и популярный блогер Цэнддоо пишет: “Решение советского руководства вывести свои войска из Монголии руководство МНР узнало только тогда, когда в 1989 г. во Владивостоке об этом заявил М. Горбачёв”[5].

В монгольском экспертном сообществе бытует мнение, что руководство Советского Союза принимало решение о выводе войск кулуарно, не поставив

[4] Дэлгэрмаа Ю. Шеварнадзе и Монголия. *Монцамэ*, 28.12.2021. https://www.montsame.mn/ru/read/285398 (accessed 20.07.2022).

[5] Цэнддоо. “Виновен проклятый Советский Союз”. Почему монголы до сих пор не любят Китай. *ARD*, 31.10.2018. https://asiarussia.ru/articles/20764/ (accessed 20.07.2022).

в известность своих союзников: “Поскольку решение о выводе было внезапным, сооружения и здания, где размещались русские военнослужащие, остались без охраны, также осталось без охраны немало оружия и техники. До недавнего времени многие монголы не знали истинной причины вывода советских войск. Считалось, что тогдашнее руководство Монголии выгнало граждан дружественной страны. Поскольку решение о выводе военнослужащих было внезапным, монгольская сторона не получила предварительного уведомления, стороны не договорились о том, как решить судьбу брошенного имущества. На долгие годы сооружения и здания остались бесхозными, чем воспользовались не только криминальные элементы, но и рядовые жители. Но, конечно же, брошенные военные сооружения – это лишь часть истории. В столице и провинциях Монголии сохранились примеры монументального искусства, где прославляется дружба и совместные достижения двух народов”[6].

Споры о выводе советских войск в публичном пространстве постсоциалистической Монголии формально сводятся к двум кардинально противоположным точкам зрения. Первая утверждает, что СССР вывел войска, не считаясь с интересами МНР, а вторая – что это была инициатива монгольского руководства. Этот антагонизм лег в основу национального режима памяти о советском присутствии. Например, авторы, подчеркивающие либерально-демократический характер своих убеждений, предпочитают ставить свертывание военного и гражданского присутствия в прямую зависимость от “краха коммунизма” в Восточной Европе[7] и поражения Советского Союза в холодной войне [Баабар 2010: 515-517].

Сформировавшаяся под влиянием целого комплекса факторов память о демилитаризации азиатского рубежа вычеркивает события, связанные с советско-китайским диалогом 1980-х годов. Забытыми оказываются переговоры 17 октября 1979 г. в Москве по поводу нормализации отношений между СССР и КНР. Несмотря на все сложности, именно с этого момента началось восстановление конструктивных двусторонних контактов. Этот тезис подтверждает факт укоренения в монгольской традиции историографии схемы истории XX в., построенной вокруг борьбы за суверенитет: сначала от империи Цин, потом от Японии и, наконец, от СССР (см. [Баабар 2010; Батсайхан 2014]). Однако события политических отношений между социалистическими странами в Азии в 1970-1980-е годы остались вне данной рамки. В истории Монголии это период максимальной зависимости от СССР, милитаризации и кризиса экономики социализма с последовавшим за ним товарным дефицитом, а также возникновения национального демократического движения. В центре внимания монгольских демократов осталась лишь якобы “неожиданная” для монголов речь М.С. Горбачёва 29 июля 1986 г. о необходимости отвода советских войск от границ с КНР и о неприменении первыми ядерного оружия [Воробьев 2012].

[6] Монхцэцэг Б-Э. Русские в Монголии: история и современность. *REGNUM*, 23.08.2018. http://regnum.ru/news/society/2469529.html (accessed 20.07.2022).

[7] Соболевская О.В. Развалины разногласий. Как сегодня осмысляют присутствие и вывод советских войск из Монголии. *ВышкаIQ*, 28.07.2022. https://iq.hse.ru/news/707350477.html (accessed 30.07.2022).

Бóльшую согласованность в оценках вывода войск из Монголии можно наблюдать среди российских военных экспертов. Их характеристики объемов, темпа и причин однозначны: “В те годы Монголия была единственной страной, которая выступала против вывода уже не советских, а российских войск со своей территории – Улан-Батор слишком боялся своего набирающего мощь соседа”[8].

Участники многочисленных интернет-сообществ, объединяющих сослуживцев из разных частей 39-й армии, дислоцировавшейся в Монголии, также делятся своими воспоминаниями: “Мы свою войну не проиграли. Все, что было построено и сделано, бросили по приказу Горбачёва и ушли. Пусть эти разрушенные здания напоминают о цене, которую приходится платить за политическую близорукость. Они памятник предательству” [Сергеев 2021: 45]. Демилитаризация рубежа противостояния воспринимается военными в привычных для них категориях войны, победы, поражения или предательства. Их воспоминания о недавнем прошлом насыщены сентиментальностью и драматизмом конца эпохи.

Такая интерпретация базируется на постбиполярном миропонимании[9], выстраивающемся вокруг тезиса З. Бжезинского о поражении СССР [Brzezinski 1997]. В рамках этой интерпретирующей модели сформировалось и транслируется понимание заброшенных военных городков Советской армии как памятников поражению в холодной войне. Параллельно с этим развивается мемориальный нарратив о победах Советской и Монгольской армий над Японией, что усиливает контраст от забвения недавнего прошлого. Его травматичность связана с утратой политического статуса и материальных благ, которыми обеспечивались советские офицеры, служившие за пределами СССР. Важно отметить, что подобные руины военных баз оказались не только на территории бывшей МНР, но и на всем постсоциалистическом пространстве от Берлина до Улан-Батора. Поэтому травма служивших в Монголии синхронна воспоминаниям служивших в Восточной Европе и вписывается в общий нарратив поражения в холодной войне.

Переработка прошлого и основы современного режима памяти

Режим памяти [Малинова 2020], сформировавшийся в Монголии в XXI в., опирается на коммеморативные нарративы о борьбе за суверенитет Монголии при поддержке СССР и на идею приоритета суверенных государственных интересов. Советская военная помощь в данном контексте рассматривается как значимое историческое явление, обеспечившее независимость государства в условиях внешних угроз. Более того, формально Монголия была признана суверенным государством по итогам Ялтинско-Потсдамских соглашений [Батсайхан 2014: 313-319]. Нарратив, который в советский период выстраивался вокруг культа трех маршалов: Сталина, Жукова и Чойбалсана, – сегодня свелся только к мемориализации образа Г.К. Жукова.

[8] Поздняков М. Брошенные гарнизоны. Причины и последствия расформирования частей РФ на Дальнем Востоке. *Военное обозрение*, 17.06.2019. https://topwar.ru/159082-broshennye-garnizony-prichiny-i-posledstvija-rasformirovanija-chastej-rf-na-dv.html (accessed 20.07.2022).

[9] Соболевская О.В. Развалины разногласий. Как сегодня осмысляют присутствие и вывод советских войск из Монголии. *ВышкаIQ*, 28.07.2022. https://iq.hse.ru/news/707350477.html (accessed 30.07.2022).

Параллельно с этим коммеморируется и победа над Японией в 1945 г., ключевую роль в которой сыграла все та же 39-я армия СССР. Сегодня память о боях на Халхин-Голе и о победе над Японией включена в официальную государственную политику. Некоторые памятники реконструируются, неоднократно проходила акция "Бессмертный полк". Однако существует и альтернативная память, которая является актуальной и значимой: советское военное присутствие и помощь в 1960-1980-е годы рассматриваются как навязанные [Myadar 2017]. В результате конфликта этого нарратива с официальным память о советских войсках в МНР вытесняется на периферию или подвергается забвению.

Официальная государственная политика в области прошлого не просто реконструирует мемориальные объекты, а переформатирует их в соответствии с новым политическим контекстом, что происходит, например, с советскими памятниками второй половины XX в. Переосмысление прошлого – процесс сложный, особенно если он связан с формированием новых смыслов. Например, в населенном пункте Чойр, где дислоцировалась 41-я Особая мотострелковая дивизия 39-й армии, еще в 1975 г. был установлен памятник советскому солдату. Неофициально он считался "самым восточным Алешей". Тридцатиметровый каменный солдат в гимнастерке времен Великой Отечественной войны держал щит с надписью: "Все, что создано народом, должно быть надежно защищено". Когда в 2019 г. этот мемориал реконструировали, он получил новое название "Слава русскому солдату" и новую надпись на монгольском языке: "Этот комплекс основан в память о 41-й Особой мотострелковой дивизии ВС СССР (Чойрский гарнизон), защитившей, выполняя свой интернациональный долг, независимость и безопасность МНР в 1969-1989-х гг., с уважением и дружбой к личному составу дивизии, членам их семей и их потомкам. Не забудем заслуги воинов-побратимов, защитивших наше священное государство. 7 ноября 2019 г." [Михалев 2020: 136]. На сегодняшний день это единственный восстановленный мемориал, посвященный советскому военному присутствию в МНР во второй половине XX в. Однако в ландшафте монгольской столицы до сих пор сохранились названия, напоминающие о 39-й армии. Например, Офицерийн ордоны тойрог (Дворец офицеров), микрорайон Гордоок (военный городок) и другие [Михалев 2008]. Все перечисленное является частью так называемой холодной памяти [Ассман 2004: 72] о советском военном присутствии.

Ключевой фигурой в поддерживаемом историческом нарративе о советском военном присутствии в МНР стал маршал Г.К. Жуков. Память о нем встроена в систему коммеморации и Монголии, и России. Для Монголии музей Жукова олицетворяет фундаментальность институтов современного государства, поскольку он появился как памятник акту суверенитета – победе на Халхин-Голе 1939 г. Дом-музей маршала Советского Союза Жукова был открыт в Улан-Баторе 19 августа 1979 г. Мемориальным объектом стало одноэтажное здание на Проспекте мира, построенное в 1930-х годах. В нем в 1938 г. жил будущий маршал Советского Союза И.С. Конев, а в 1939 г. здесь расположилась ставка Жукова. Открытие музея пришлось на сложное время в новейшей истории Азии, когда внешнеполитическая обстановка в этой части мира максимально накалилась. Китайско-вьетнамский конфликт 1979 г. привел к обострению ситуации на советско-монгольско-китайской границе.

В 2007-2008-х гг. дом-музей был существенно обновлен, на его фасад поместили икону Георгия Победоносца и портрет самого Жукова [Михалев 2020: 135]. Актуализация памяти о маршале продолжилась, когда в 2019 г. в населенном пункте Халх-Гол при участии российских властей был установлен еще один памятник легендарному полководцу. Прямое участие в финансировании установки восьмиметровой скульптуры приняло правительство Иркутской области.

В XXI в. министерства обороны России и Монголии выработали новую политическую формулу прошлого – боевое содружество двух стран. Она отсылает к прошлому, к сотрудничеству СССР и МНР, которое, с точки зрения военных, возродилось в 2008 г. после запуска совместных военных учений серии "Дархан" (с 2011 г. они переименованы в "Селенга"). Сотрудничество заключается не только в совместной подготовке войск, но и в возрождении при поддержке государства советских мест воинской славы, разбросанных по территории Монголии. Подобные мемориальные акты тесно связаны с трансформацией понимания в Монголии истории становления государственного суверенитета.

Заключение

Рассматриваемые нами руины огромного по своей протяженности укрепленного района представляют собой колоссальный мемориал, посвященный демилитаризации рубежей советско-китайского противостояния. Сложившийся же в современных условиях режим памяти сосредоточен лишь на поражении в холодной войне и игнорирует нарратив о нормализации отношений с КНР. Этот режим доминирует как среди постсоветских мнемонических акторов, так и среди монгольских. При этом на уровне коммуникативной памяти существуют взаимные претензии, связанные с травмой смены политического и экономического курса.

Во Внутренней Азии набирает обороты процесс национализации памяти. Интернациональные по форме и содержанию советские мемориалы прежних советских гарнизонов в Монголии в 2010-е годы приобрели новые политические смыслы. С одной стороны, они востребованы в России как символы боевого содружества с Монголией, а с другой – в Монголии как памятники борьбы за независимость страны. Сами же руины военных городков остаются заброшенными. Эта заброшенность стала важным атрибутом режима памяти, в рамках которого события тридцатилетней давности представляют собой невостребованное прошлое.

Бывшие военные, служившие в частях ЗабВО, сегодня объединяются и создают собственный мемориальный нарратив о выводе войск. Выступая в качестве мнемонических акторов, они снимают любительские фильмы, публикуют в социальных сетях фотографии, издают воспоминания. Именно эти тексты наиболее травматичны и обращены к необитаемым руинам бывших военных объектов и жилых комплексов. Их попытки истолкования масштабных разрушений поддерживавшегося ими мира полностью подчинены логике мифа о демодернизации монгольского общества после ухода из страны Советской армии и гражданских специалистов. Во многом именно травма разрушения создававшегося советскими военными на протяжении трех десятилетий "особого мира" сегодня становится основой их солидарности.

Руины советских гарнизонов еще недавно контрастировали с ультрасовременными зданиями Улан-Батора. Однако описанный В. Беньямином ветер прогресса постепенно стирает это различие, заброшенные дома в степи все больше уходят в прошлое, становясь частью воспоминаний. Фотографии этих руин в сообществах советских военных обеспечивают устойчивый ресентимент относительно перестройки и краха советской сверхдержавы. Но именно руины придают смысл и законченность военному присутствию, позволяя причастным к истории советского присутствия в Монголии жить в условиях темпоральности мирного времени. При этом заброшенные военные объекты в Монголии – всего лишь часть большого пространства руин рухнувшего геополитического порядка – от Балтики до Тихого океана.

DOI: 10.17976/jpps/2023.06.08

FROM THE FRONTIER OF OPPOSITION TO THE RUINS OF OBLIVION, OR POLITICS OF MEMORY IN POST-SOCIALIST INNER ASIA

A.V. Mikhalev[1]

[1] *Banzarov Buryat State University. Ulan-Ude, Russia*

MIKHALEV, Alexey Victorovich, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Director of the Centre of Political Transformation Studies, Banzarov Buryat State University, email: mihalew80@mail.ru

Mikhalev, A.V. (2023). From the frontier of opposition to the ruins of oblivion, or politics of memory in post-socialist Inner Asia. *Polis. Political Studies*, 6, 100-112. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.08

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-01087, https://rscf.ru/project/22-28-01087/.

Received: 11.10.2022. Accepted: 28.06.2023

Abstract. The presented article discusses how politics of memory changed in the territory of Inner Asia in relation to the history of the demilitarization of the Soviet-Mongolian border. Memories of the withdrawal of troops from Mongolia from 1989 to 1992 and the destruction of one of Asia's most powerful fortified areas remain traumatic to this day. In this paper, we analyze two key trends in the politics of memory in Inner Asia: the resentment of the Soviet past and the trauma of the collapse of the USSR. These are two competing models that frame the memory, not only of the withdrawal of troops from Mongolia, but also of the collapse of the huge military zone created during the Sino-Soviet confrontation in the region in the 1960s-1980s. It is not just a large fortified area with a developed social infrastructure, but also an important place of memory. Tens of thousands of Soviet citizens who worked or served in Mongolia in the 1960s-1980s contributed to its creation or to the maintenance of this frontier. Our study was based on memorial laws, personal memories, materials from the regional press, and considered the practice of reformatting monuments to Soviet soldiers in accordance with new contexts. The practices of oblivion, which are becoming increasingly widespread, were also analyzed. Exclusion from official documents, ignoring at the level of political rhetoric certain aspects of the history of socialism, the demolition of monuments, the elimination of places where military rituals were performed – all this transforms the former "crush zone" into a vast expanse of oblivion.

Keywords: politics of memory, Inner Asia, oblivion, commemoration, Russian world, ruins, Soviet legacy.

References

Assmann, A. (2013). Transformations of the modern time regime. In *Breaking Up Time. Negotiating the Borders between Present, Past and Future* (pp. 39-56). Goettingen: Vandenhoeck & Ruprecht.

Brzezinski, Z. (1997). The grand chessboard: American primacy and its geostrategic imperatives. Harvard: Harvard University Press.

Delaplace, G. (2012). Neighbors and their ruins: remembering foreign presences in Mongolia. In *Frontier Encounters: Knowledge and Practice at the Russian, Chinese and Mongolian Border* (pp. 211-234). London: Open Book Publishers.

Lattimore, O. (1953). The new political geography of Inner Asia. *The Geographical Journal*, 119(1), 17-30. http://doi.org/10.2307/1791615

Myadar, O. (2017). In the Soviet shadow. Soviet colonial politics in Mongolia. *Inner Asia*, 19(1), 5-28. https://doi.org/10.1163/22105018-12340077

Myadar, O. (2019). Living under the Soviet shadow: postcolonial critique of Soviet politics in Mongolia. In *Shifting Forms of Continental Colonialism: Unfinished Struggles and Tensions* (pp. 387-412). Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9817-9_15

Peshkov, I. (2011). From "border socialism" to "border capitalism": past dependency in the Inner-Asia border triangle. *Sensus Historiae. Studia interdyscyplinarne*, 2(3), 139-148.

Radchenko, S. (2003). The Soviets' best friend in Asia: the Mongolian dimension of Sino-Soviet split. In *Cold War International History Project. Working Paper.* № 42 (pp. 2-30).

Riessman, C.K. (2005). Narrative analysis. In *Narrative, Memory & Everyday Life* (pp. 1-7). Huddersfield: University of Huddersfield.

Simmel, G. (1958). Two essays. The ruins. *The Hudson Review*, 11(3), 371-385. https://doi.org/10.2307/3848614

Assmann, J. (2004). Cultural memory and early civilization: writing, remembrance, and political imagination. (Russ. ed.: Assmann, J. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow: Languages of the Russian Culture).

Baabar, B. (2010). Istoriya Mongolii: ot mirovogo gospodstva do sovetskogo satellita [The history of Mongolia: from world domination to the Soviet satellite]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. (In Russ.)

Batsajhan, O. (2014). Mongoliya na puti k gosudarstvu-natsii (1911-1946) [Mongolia on the way to the nation-state (1911-1946)]. Irkutsk, Ulan-Ude: Ottisk. (In Russ.)

Benjamin, W. (1995). Über den Begriff der Geschichte. (Russ. ed.: Benjamin, W. O ponyatii istorii. *Khudozhestvennyi zhurnal,* 7, 6-9).

Dyachenko, N.V. (2012). Sovetskie voiska v Mongolii vo vtoroi polovine 1960-kh – 80-e gg. [Soviet troops in Mongolia in the second half of the 1960s – 80s.]. In *X International Congress of Mongolists* (pp. 217-222). Ulaanbaatar: IAMS. (In Russ.)

Ganzhurov, V.C. (1997). Rossiya – Mongoliya (na trudnom puti reform) [Russia – Mongolia (in the difficult way of reforms)]. Ulan-Ude: BSC SB RAS Publ. (In Russ.)

Lishtovannyj, E.I. (2007) Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskoj istorii Mongolii [From great empire to democracy: essays on the political history of Mongolia]. Irkutsk: IGU Publ.

Luzyanin, S.G (2003). Rossiya – Mongoliya – Kitai v pervoi polovine KhKh veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 godakh [Russia – Mongolia – China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911-1946]. Moscow: Ogni. (In Russ.)

Malinova, O.Yu. (2017). Commemoration of historical events as instrument of symbolic policy: possibilities of comparative analysis. *Politeia*, 4, 6-22. (In Russ.) http://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22

Malinova, O.Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy kontseptualizatsii [Memory regime as analyses instrument: problem of conceptualization]. In *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe] (pp. 26-39). St. Petersburg: EUSP Press. (In Russ.)

Mikhalev, A.V. (2008). "Russian quarter" of Ulaanbaatar: collective memory and classification practices. *Acta Eurasica*, 2, 7-29. (In Russ.)

Mikhalev, A.V. (2020). Symbols of Soviet presence in post-socialist Mongolia. *Political science (RU),* 2, 126-142. (In Russ.)

Panarin, S.A. (2014). A chicken is not a bird? Memories of socialist Mongolia. *Labyrinth. Journal of Social and Humanitarian Studies*, 6, 66-76. (In Russ.)

Schönle, A. (2009). Apologia of ruins in the philosophy of history: providentialism and its collapse. *The New Literary Observer*, 1, 24-38. (In Russ.)

Sergeev, S.N. (2021). Vospominanija o sluzhbe v MNR [Memories of service in the MPR]. Chita, Ulaanbaatar: Arvajhjevjer. (In Russ.)

Shirendyb, B. (1967). Minuya kapitalizm [Bypassing capitalism]. Ulaanbaatar: State Publishing House of the MPR. (In Russ.)

Trigubenko, M.E. (1991). Aziatskij “sindrom” socializma [Asian “syndrome” of socialism]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Vorobyev, V. (2016). About the settlement of the border issues with China. *Far Eastern Studies*, 3, 104-113. (In Russ.)

Zheleznyakov, A.S. (2009). Mongol’skii polyus politicheskogo ustroistva mira [The Mongolian pole of the political structure of the world]. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)

Литература на русском языке

Ассман Я. 2004. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры.

Баабар Б. 2010. История Монголии: от мирового господства до советского сателлита. Казань: Татарское книжное издательство. EDN: QPPPSF.

Батсайхан О. 2014. Монголия на пути к государству-нации (1911-1946). Иркутск, Улан-Удэ: Оттиск.

Беньямин В. 1995. О понятии истории. *Художественный журнал*. № 7. С. 6-9.

Воробьев В.Я. 2012. Об урегулировании пограничных вопросов с КНР. *Проблемы Дальнего Востока*. № 3. С. 104-113. EDN: JEQCFZ.

Ганжуров В.Ц. 1997. Россия – Монголия (на трудном пути реформ). Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН.

Дьяченко Н.В. 2012. Советские войска в Монголии во второй половине 1960-х – 80-е гг. *X International Congress of Mongolists*. Улаанбаатар: IAMS: С. 217-222.

Железняков А.С. 2009. Монгольский полюс политического устройства мира. М.: Институт социологии РАН. EDN: QOKIMT.

Лиштованный Е.И. 2007. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск: Издательство ИГУ.

Лузянин С.Г. 2003. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911-1946 годах. М.: Огни.

Малинова О.Ю. 2017. Коммеморация исторических событий как инструмент исторической политики: возможности сравнительного анализа. *Полития*. № 4. С. 6-22. http://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-87-4-6-22. EDN: XTXFPF.

Малинова О.Ю. 2020. Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации. *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 26-39.

Михалев А.В. 2008. “Русский квартал” Улан-Батора: коллективная память и классификационные практики. *Вестник Евразии / Acta Eurasica*. № 2. С. 7-29. EDN: JZBYEB.

Михалев А.В. 2020. Символы советского присутствия в постсоциалистической Монголии. *Политическая наука*. № 2. С. 126-142. http://doi.org/10.31249/poln/2020.02.06. EDN: HHLEEP

Панарин С.А. 2014. Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. № 6. С. 66-76. EDN: TZFPRD.

Сергеев С.Н. 2021. Воспоминания о службе в МНР. Чита, Улаанбаатар: Арвайхэвэр.

Тригубенко М. Е. 1991. Азиатский “синдром” социализма. М.: Наука.

Шёнле А. 2009. Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад. *Новое литературное обозрение*. № 1. С. 24-38. EDN: MTDUUF.

Ширендыб Б. 1967. Минуя капитализм. Улан-Батор: Государственное издательство МНР.